

УДК 94:27-526.62

**КАК ВОСПИТАТЬ «ПРОСВЕЩЕННЫХ» ИКОНОПИСЦЕВ?
УЧЕБНЫЕ ИКОНОПИСНЫЕ МАСТЕРСКИЕ КОМИТЕТА
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ (1901-1918)**

Вальчак Д.

Главной целью настоящей статьи является освещение вопросов, связанных с организацией и деятельностью учебных иконописных мастерских Комитета попечительства о русской иконописи (1901-1918) в Мстере, Палехе, Холуе и Борисовке. Автором проводится детальный анализ протоколов заседаний и других документов Комитета. На их основании воспроизводится хронология и программа обучения в иконописных школах, а также предпринимается попытка реконструкции созданного в кругу Комитета идеала просвещенного иконописца. Подводятся итоги деятельности учебных иконописных мастерских.

Ключевые слова: Комитет попечительства о русской иконописи, учебные иконописные мастерские, Мстера, Палех, Холуй, Борисовка, иконописные школы, В.Т. Георгиевский.

**HOW TO EDUCATE “ENLIGHTENED” ICON PAINTERS?
EDUCATIONAL ICON-PAINTING WORKSHOPS OF THE COMMITTEE
OF CARE ON RUSSIAN ICON PAINTING (1901-1918)**

Walczak D.

The main purpose of this article is to highlight the organisation and activities of the training icon-painting workshops of the Committee of Care on Russian icon painting (1901-1918) in Mstera, Palekh, Kholuy and Borisovka. The author provides a detailed analysis of the minutes of meetings and other documents of the Committee. On their basis the author reproduces the chronology and training programme in icon painting schools and attempts to reconstruct the ideal of an enlightened icon painter that was created in the Committee's circle. The results of the activities of educational icon painting workshops are summarised.

Keywords: Committee of Care on Russian icon painting, educational icon-painting workshops, Mstera, Palekh, Kholuy, Borisovka, icon-painting schools, Vasily Georgiyevsky.

Основной задачей основанного в 1901 г. по инициативе императора Николая II Комитета попечительства о русской иконописи стало возрождение иконного искусства, которое, как считали многие представители русских интеллектуальных элит, находилось тогда в глубочайшем кризисе. С самого начала существования Комитета его деятельность развивалась в двух главных направлениях. С одной стороны, она была нацелена на то, чтобы создать новый иконографический канон, сочетающий древнерусские и византийские образцы, и закрепить его в иконописном подлиннике, который бы потом распространялся в среде иконописцев [3; 4]. С другой стороны необходимо было воспитать новое поколение просвещенных иконописцев, обладающих не только иконописным ремеслом, но и углубленными богословскими, историческими и иконографическими знаниями. Это было очень важно, поскольку в конце XIX века положение русской иконописи была таковым, что в одних только Палехе и Мстере «производилось» (в данной ситуации довольно затруднительно сказать «писалось») около миллиона икон в год. Очевидно, что в связи с такими быстрыми темпами работы художественная и эстетическая ценность готовых образов была зачастую крайне низкой.

В мастерских уже с XVII века преобладало изготовление икон матуфактурным способом [1, с. 6-7], где каждый ремесленник отвечал только за одно действие – он или подготавливал доску для иконы, или наносил позолоту, или писал архитектурные детали, или одежды или лики. Члены Комитета попечительства о русской иконописи хотели воспитать таких иконописцев, которые могли бы как в древние времена создавать икону с начала до конца, и одновременно разбирались как в богословских, так и в иконографических, и в чисто технических аспектах иконописания.

Нужно отметить, что в России забота Церкви и государства об интеллектуальном и нравственном положении иконописцев имела давнюю традицию, данным вопросом занимался еще знаменитый Стоглавый собор (1550-1551) [12, с. 112-116].

С целью воспитания «образцовых иконописцев» члены Комитета решили создать сеть образцовых иконописных школ, так называемых «иконописных учебных мастерских», в которых ученики сочетали бы теоретическое обучение богословию, иконографии и церковной археологии с практическим освоением иконописной техники. Такие мастерские должны были быть организованы в «иконописных селах», в которых большинство населения занималось иконописью. То есть, в Палехе, Мстере и Холуе Владимирской губернии и в Борисовке в Курской губернии [5, с. 29].

3 января 1901 года заведующий делами Комитета попечительства о русской иконописи академик Никодим Павлович Кондаков представил свой отчет о состоянии иконописания во Владимирской губернии. Уже на следующем заседании Комитета в марте 1902 года было принято «Временное положение об учебных иконописных мастерских», а летом того же года были открыты и сами школы.

Такая быстрая организация школ стала возможна благодаря усилиям главного вдохновителя идеи создания школ Н.П. Кондакова [11, с. 115] и Василия Тимофеевича Георгиевского, который стал полномочным представителем Комитета в регионах. Сначала ничего не предвещало такого быстрого развития событий. Комитет попечительства о русской иконописи традиционно назначил особую комиссию, которая должна была заняться организацией школ и в состав которой вошли председатель Комитета Сергей Дмитриевич Шереметев, Никодим Павлович Кондаков, Николай Васильевич Султанов и Василий Тимофеевич Георгиевский [5, с. 30-31]. Рассматривалась также возможность основать школы в других местах, в частности в Суздале и в Новоафонском Симоно-Канонитском монастыре в Грузии. Очень кстати оказался и тот факт, что архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей

(Спасский) решился бесплатно передать Комитету иконописные школы Братства Александра Невского, а также здание в Холуе для организации школы [5, с. 30].

В.Т. Георгиевский отправился в командировку во Владимирскую губернию и на месте изучил ситуацию. Именно он подобрал помещения для школ в Палехе и Мстере и назначил заведующих иконописными мастерскими. В Мстере заведующим стал Николай Константинович Стягов, в Холуе – Евгений Алексеевич Зарин, а в Палехе – Евгений Ипполитович Стягов [5, с. 18].

Согласно «Временному положению об учебных иконописных мастерских», в иконописные школы Комитета могли поступать православные (в документе говорилось просто: «христианские») мальчики свыше десяти лет. Обучение длилось четыре года, и было абсолютно бесплатным. Уже за первый год работы учебных иконописных мастерских было принято на учебу свыше 160 учеников [2, с. 19], но в следующие годы интерес к школам постепенно снижался. Учащиеся проходили не только курс иконописи, но у них были занятия по академической живописи, богословию, иконографии и церковной археологии. В школьной программе делался упор не только на само знание ремесла, но и на повышение общего образования. Комитет попечительства о русской иконописи прикладывал усилия, чтобы привлечь на работу лучших специалистов. Руководителями мастерских были местные иконописцы, пользующиеся большим авторитетом, а преподавателями становились нередко преподаватели духовных школ (богословие, церковная археология) или академии художеств (академическая живопись).

Комитет старался также повышать образование своих преподавателей. Летом 1903 года преподаватели закона Божия и церковной археологии вместе с профессором Киевской Духовной Академии Алексеем Афанасьевичем Дмитриевским отправились в археологическую экспедицию на Афон. Плодом этой поездки стала брошюра одного из участников экспедиции Л.Д. Никольского, посвященная афонским настенным росписям [8; 9]. В протоколах заседания Комитета от 30 ноября 1904 г. В.Т. Георгиевским отмечалось, что

«ученики мастерских оказывают значительные успехи, и это уже отражается на писании икон. Учебный персонал выказывает усердие к порученному ему делу. Мастерские пользуются уважением местного населения и не могут вместить всех желающих в них учиться за недостатком места» [6, с. 43].

Комитет попечительства о русской иконописи помог также организовать иконописные школы при Троице-Сергиевой, Почаевской и Киево-Печерской Лаврах, а также при Серафимо-Дивеевском женском монастыре [2, с. 20]. Из-за недостатка средств Комитет вынужден был оставить без внимания много других просьб. Содержание одной учебной иконописной мастерской составляло свыше 5 тысяч рублей в год [2, с. 18].

В брошюре «Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи», изданной в 1907 г. работа иконописных школ Комитета описывается как крайне успешная [2, с. 18-19]. В этом издании также представлены фотографии зданий учебных иконописных мастерских и даже сильно ретушированная фотография мальчика за мольбертом – образцового ученика образцовой школы. Реальность же была менее радужной. В.Т. Георгиевский в своих отчетах о положении дел в иконописных школах Комитета многократно обращал внимание на неудовлетворительное состояние школьных помещений [6, с. 43].

На заседаниях Комитета попечительства о русской иконописи появлялись все новые и новые идеи, как можно развить и разнообразить обучение. В школьный курс было введено «фряжское письмо», т.е., поздняя русская иконопись, подражающая западноевропейским образцам, занятия чеканкой и золочением, техникой финифти и др. Но, независимо от хорошей школьной программы и замечательных педагогов, интерес к иконописным школам постепенно снижался. Почему же это происходило? Во-первых, из-за того, что на рынке просто не было спроса на выпускников иконописных школ. По-прежнему были нужны работающие быстро и не очень качественно «доличники» и «подфолежники», а не просвещенные мастера-иконописцы, выполняющие свою работу хоть медленно, но профессионально. Хотя Комитет

попечительства о русской иконописи планировал способствовать созданию иконописных артелей уже в самых иконописных школах и потом выступать посредником между артелями и заказчиками, из этих амбициозных планов ничего не вышло. Многие выпускники школ после окончания курса хотели приступить к работе, но заказов на иконы практически не поступало. Вместо сети иконных лавок Комитету удалось создать всего лишь одну, в собственном здании в Петербурге, а объемы продаж не были слишком впечатляющими. Уже в 1906 г. первые выпускники школ столкнулись с проблемой безработицы.

Заведующий учебной иконописной мастерской Комитета в Холуе Е.А. Зарин, который представил работы выпускников на заседании Комитета, просил Комитет «помочь им (выпускникам школы – Д.В.) приискиванием работ, ввиду отсутствия каких-либо иконописных заказов при названной мастерской» [7, с. 24-25]. Согласно протоколам заседаний, «в то же время в Комитет поступило прошение от самих окончивших курс обучения в мастерской: Бормотова, Втулова, Третьякова, Разумова, Федосова, Виноградова, Тренина, Воробьева и Рослякова, к коем они ходатайствуют перед Комитетом о предоставлении им работы или об указании денежного вспомоществования, так как при отсутствии всяких материальных средств и заказов, они не могут организоваться в артель, а должны идти работать в частные мастерские, где требуется, главным образом, скорость работы в ущерб ее качеству» [7, с. 25].

Можно сказать, что идея Комитета о создании группы «просвещенных» иконописцев потерпела полный крах. С заказами для них не помогла и Православная Церковь – оберпрокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев ответил Комитету (правда, относительно немного другого вопроса, – возможности введения запрета на печатные иконы) [13, с. 90], что «забота о благосостоянии иконописцев» не является делом Церкви.

Выпускники школ были всесторонне образованны, обладали многочисленными знаниями и, вне всякого сомнения, хорошей иконописной техникой, но они оказались практически никому не нужными и

не востребуемыми на рынке. Члены Комитета не хотели мириться с неудачей и искали выхода из создавшегося положения. Появилась идея преобразовать учебные иконописные мастерские в общеобразовательные средние школы, после окончания которых выпускники могли бы получить удостоверение о среднем образовании, что могло бы привлечь в школы новых кандидатов. Помощник уполномоченного Комитета по наблюдению за учебными иконописными мастерскими во Владимирской губернии Н.К. Евлампиев «представил в Комитет утвержденный земским начальником приговор Мстерского сельского схода, в коем постановлено обратиться с ходатайством в Комитет попечительства о русской иконописи о преобразовании учебной иконописной мастерской в слободе Мстере в художественно-иконописную школу по типу средних художественных школ, или ввести в курс мастерской общеобразовательные предметы, с предоставлением оканчивающим курс льгот по воинской повинности и права перехода в школы высшего типа» [7, с. 27].

Предложению, однако, сразу же воспротивилось большинство членов Комитета, которые, во что бы то ни стало, хотели сохранить особый характер иконописных школ. В протоколах заседаний за 1906 год, в частности говорится о том, что «по поводу сего Комитет имел суждение о том, что задачу учебных иконописных мастерских составляет развитие иконописания, путем практического обучения иконописному мастерству со всеми его издревле сложившимися приемами: преподавание рисования, Закона Божия, церковной археологии и иконографии введено в курс мастерских настолько, насколько это необходимо в целях достижения успеха в иконописи и для верного понимания ее содержания художественно-иконописной школы возможна только на основе общей художественной школы или художественно-промышленного училища, подобного, например, Строгановскому училищу в Москве, следовательно, в большом городе и не мыслима в селе, не говоря уже об ее излишестве, так как ученики, кончившие с особым успехом в мастерских Комитета, могут поступать в то же Строгановское училище, где устройство иконописного отдела уже начато. Что же касается заявленного желания о превращении

Мстерской мастерской в общеобразовательную школу, то настоящее ходатайство Мстерского сельского схода, как несоответствующее цели учреждения учебных иконописных мастерских, подлежит отклонению» [7, с. 27-28].

Идея Комитета о воспитании образцовых, просвещенных иконописцев, которые, кроме чисто технических аспектов иконописи овладели бы также обширными теоретическими знаниями из области богословия, иконографии, церковной истории, была реализована только частично. Очень показателен также и факт, что в документах Комитета не нашлось ни одного упоминания о нравственном облике иконописца и о его молитвенной подготовке (вопрос, который был главным еще для участников Стоглавого собора). Как это ни парадоксально, члены Комитета попечительства о русской иконописи вообще не интересовались религиозным аспектом иконописания, их интересовало лишь то, чтобы выпускники школ были всесторонне образованными ремесленниками-художниками.

Таких иконописцев действительно удалось выпустить, но их знания оказались невостребованными, а Комитет, в виду ограниченности финансовых средств, был не в состоянии обеспечить выпускников заказами и постоянной работой, так что те сами были вынуждены бороться за свое существование. Тем не менее, таких выпускников было относительно много и именно они впоследствии после Октябрьской революции смогли адаптироваться к новым условиям и стали создателями новой традиции художественного ремесла, основанной на образцах русской иконописи [10, с. 92-94].

Список литературы:

1. Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. 337 с.
2. Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. СПб.: Тип. И. Генералова, 1907. 45 с.
3. Вальчак Д. В древнерусском или в византийском стиле? Идеал русской иконописи в кругу Комитета попечительства о русской иконописи (1901-1918)

// Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур). М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 100-104.

4. Вальчак Д. Лицевой иконописный подлинник Комитета попечительства о русской иконописи (1901-1918): изначальный проект и его осуществление [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2019. № 2. URL: <http://st-hum.ru/node/783> (дата обращения: 12.09.2019).

5. Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1902. Вып. 1. 232 с.

6. Иконописный сборник. СПб.: Комитет попечительства о русской иконописи. 1906-1910. Т. 1. 63 с.

7. Иконописный сборник. СПб.: Комитет попечительства о русской иконописи. 1906-1910. Т. 2. 124 с.

8. Никольский Л.Д. Афонские стенописи. СПб.: Тип. И. Генералова, 1908. Ч. 1. 122 с.

9. Никольский Л.Д. Афонские стенописи. СПб.: Тип. И. Генералова, 1908. Ч. 2. 162 с.

10. Некрасова М. А. Палехская миниатюра. Л.: Художник РСФСР, 1978. 361 с.

11. Сосновцева И.В. Никодим Павлович Кондаков и иконописные школы Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи // Никодим Павлович Кондаков. 1844-1925. Личность, научное наследие, архив, ред. Е.Н. Петрова. СПб.: 2001, с. 115-130.

12. Стоглав. Собор, бывший в Москве при Великом Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче. Лондон: Trübner & Co., 1860. 257 с.

13. Walczak D. Nieuczciwa konkurencja dla ikonopisców? Komitet Troski o Rosyjskie Malarstwo Ikonowe (1901-1918) w walce z ikonami drukowanymi // *Ikona i logos. Zeszyty muzealne*. 2019. № 8. S. 80-96.

Сведения об авторе:

Вальчак Дорота – магистр истории, магистр филологии, докторант исторического факультета Варшавского университета (Варшава, Польша).

Data about the author:

Walczak Dorota – Master of History, Master of Philology, Doctoral Candidate of Faculty of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

E-mail: dorota.walczak1990@gmail.com.